

О Льве Владимировиче Альтшулере

Б. В. ЛИТВИНОВ

Лев Владимирович Альтшулер, участник IV Всесоюзного совещания по детонации, г. Телави (Грузия). 22–24 ноября 1988 г.

Льва Владимировича Альтшулера я увидел в июне 1952 г. при распределении пятерых студентов-дипломников, приехавших из Москвы для подготовки и защиты дипломных проектов. Один из этих дипломников – Феликс Григорьев – был распределен в отдел Альтшулера. Не знаю содержания разговора, но Феликс отнесся к этому без восторга. Из его рассказов складывалось впечат-

ление о Льве Владимировиче, как о жестком и очень требовательном наставнике. Все это не нравилось Феликсу, и время от времени он жаловался нам, что ему никогда не освоить премудрости, которым учил его Альтшулер. Не знаю, что происходило между ними на самом деле. Мы могли утешать Феликса лишь тем, что со временем все станет на свои места.

Особенностью всякой научной работы является известная отчужденность одних научных работников и научных коллективов от других коллег. Главной причиной этого, по моему мнению, является то, что у всех своих забот невпроворот. Поэтому так важно обсуждать взаимодействие научных сотрудников, регулярно посещать научные семинары, дискуссии, конференции и пр. Конечно, не каждому дан дар рассказывать о сложных явлениях и процессах. Несомненно, что таким даром был наделен Лев Владимирович. Слушать его всегда было интересно и поучительно. Он сам много размышлял и активно вовлекал в мыслительную работу других ученых. При этом Лев Владимирович терпеть не мог подмены подлинной учености мнимой. Он активно выступал против штампов и лжи во всех ее проявлениях, будь это художественная литература или пресловутая борьба с преклонением перед Западом. Те, кто усматривал это как покушение на наши партийные устои и видел в этом прямой вред для науки на «объекте», предпринимали неоднократные попытки удалить строптивного ученого из святыня святынь, где создавались ядерные

заряды и боеприпасы. В книге В. А. Цукермана и З. М. Азарх «Люди и взрывы» можно подробно прочитать о многочисленных попытках удалить Льва Владимировича с «объекта». Юлий Борисович Харитон и другие видные ученые высоко ценили его работоспособность, его знания и его умение организовывать сложную исследовательскую работу и не допустили увольнения Альтшулера с ядерного «объекта».

Случай познакомиться со Львом Владимировичем поближе выпал в апреле 1959 г., когда меня перевели на должность заместителя начальника газодинамического сектора по конструкторским вопросам. Одновременно со мной на должность заместителя этого сектора по научным вопросам назначили Самуила Борисовича Кормера. Со временем мы сдружились, и это очень помогало в общей работе. До этого Самуил Борисович работал в отделе Льва Владимировича, но в тонкости их отношений я не вникал.

К своему удивлению я заметил, что несмотря на глубокое и искреннее уважение Кормера к Альтшулеру, они часто спорили и не всегда, как мне казалось, по делу. Выяснялись какие-то старые отношения или кто правильнее выразился. Я считал это мелочью и удивлялся их спорам. Возможной причиной подобных споров, я думаю, было желание Альтшулера сохранить положение лидера во все расширяющемся количестве проблем, связанных с высокими и сверхвысокими давлениями и нежеланием Кормера с этим мириться. Я считал и считаю, что подобные споры малосодержательны: в науке достаточно просторно, чтобы заниматься близкими проблемами. Нельзя нормальным талантливым людям спорить по поводу того, кто из них сказал об изучаемом предмете более правильно. Конечно, приоритетность важна и важна строгость в доказательстве научных истин, но не до такой же степени, чтобы спорить до самозабвения. Вначале я вообще не обращал внимания на их споры, но потом решил, что это может привести к недопустимым отношениям и стал вмешиваться в них. Поначалу ни тот, ни другой не обращали на меня никакого внимания и просто отмахивались, как от человека, лезущего не в свое дело. Но постепенно они стали прислушиваться к моим аргументам. Иногда Кормер, с которым я был ближе, первым начинал говорить со мною

о спорных проблемах. Однажды и Лев Владимирович внезапно появился в моей комнате и стал что-то спрашивать у меня, как у человека, к словам которого имеет смысл прислушиваться.

Через год, весной 1960 г., Кормер отпросился у руководства сектора на должность начальника самостоятельного научного отдела со своей тематикой, заметно отличающейся от тематики Альтшулера. При этом Кормер посоветовал Льву Владимировичу назначить меня на должность заместителя начальника сектора по науке, т. е. на должность Кормера. Вместе с этим изменились и отношения спорящих, они стали лояльнее.

В августе 1961 г. меня, несмотря на мое упорное сопротивление, перевели в НИИ-1011. Незадолго до моего перехода туда, ко мне зашел Лев Владимирович и дал неожиданный для меня совет. Он посоветовал мне иметь в виду, что Евгений Иванович Забабахин не столь прост, каким он кажется. «У меня, Борис Васильевич, достаточно оснований для такого совета», – сказал Лев Владимирович, но не стал развивать эту интересную для меня тему. Предупредил и все, словно ненароком. Конечно, я призадумался над его словами, и они оказались по-своему справедливыми. Хотя это и не повлияло на мое уважительное отношение к Евгению Ивановичу.

Казалось, что с моим переездом на Урал, отношения со Львом Владимировичем прервутся навсегда. Но этого не произошло. Научный уровень Льва Владимировича всегда был высок. Менялись в стране и отношения многих научных работников к участию в работах по военной тематике. Как писал А. Д. Сахаров в своей книге «Воспоминания», что 1963–1967 гг. стали для него плодотворными в научном отношении. Одной из причин было уменьшение интенсивности работ по спецтеematике. Раньше Сахарова к научной работе (1964 г.) перешел Яков Борисович Зельдович. «Он, – как вспоминает А. Д. Сахаров, – сыграл очень большую роль в его научной судьбе». К тому же после снятия Хрущева в 1964 г. и прихода Л. И. Брежнева, наступает эпоха партийного окостенения. Внешне СССР в те годы еще выглядит мощным, консолидированным государством, но появляются первые признаки губительной бюрократизации в партии, в советах, в профсоюзах.

Попытка Льва Владимировича Альтшулера пробиться в Академию наук оказалась неудачной. Определяющей причиной этого явилось нежелание всемогущих партийных работников подписать ему положительную производственно-партийную характеристику, без которой невоз-

Лев Владимирович Альтшулер (1-й ряд, 2-й слева) среди участников III Международных Забабахинских научных чтений

можно быть избранным в Академию наук СССР. Так в конце концов партийная бюрократия отомстила «вольнодумцу» за его партийное непослушание. В 1969 г. он уходит из ВНИИЭФ. В 1989 г. по приглашению В. Е. Фортова переходит в Институт высоких температур АН СССР (ИВТ АН СССР). Здесь Лев Владимирович активно продолжает научную работу. О ней можно было судить по регулярным публикациям его статей в весьма престижных научных журналах.

Со Львом Владимировичем мне довелось встретиться только летом 1990 г. неожиданно в метро. Я поднимался на эскалаторе вверх, кажется к Пушкинской, а по другому эскалатору тоже вверх поднимался Лев Владимирович. Мы поздоровались, и он напористо, в своей обычной манере, стал рассказывать о том, что он сейчас направляется к Елене Георгиевне Боннэр, чтобы поговорить с ней о подготовке «Воспоминаний» А. Д. Сахарова.

Позже я бывал у Льва Владимировича не раз. Жалею, что некоторые из бесед я не записал, и многое забылось. У меня остались о Льве Владимировиче Альтшулере самые добрые воспоминания. К концу его жизни правда о его могучем таланте восторжествовала. Он, несомненно, заслуженно признан родоначальником исследований экстремальных состояний вещества. Прекрасная коллективная монография «Ударные волны и экстремальные состояния вещества» – замечательный памятник учителю.

ЛИТВИНОВ Борис Васильевич –
заместитель научного руководителя
РФЯЦ-ВНИИТФ (1997–2010 гг.), академик РАН,
лауреат Ленинской премии